

Л.Б. Гмыря

Клятводоговоры номадов Кавказско-Каспийского региона (V–VII вв.)

В письменных источниках раннего Средневековья сохранились интересные данные об одном из компонентов культуры тюркоязычных племен Кавказско-Каспийского региона, не нашедшего освещения в литературе. Описывая военно-исторические события V–VII вв., имевшие место на Восточном Кавказе, некоторые армяноязычные, сирийские и византийские историки отмечали характер клятв номадов, которыми скреплялись договоры о союзнических отношениях с иностранными государствами. Хотя эта информация лаконична и отрывочна, но ее анализ позволяет установить ощутимую связь клятв с религиозными верованиями номадов, выявить в них этнокультурный компонент, проследить развитость специфической традиции. Клятвы являются важным дополнительным источником для реконструкции процессов формирования и развития религиозных воззрений и мировоззрения кочевых племен раннего средневековья.

Территория Северо-Западного Прикаспия, прилегающая к Кавказу, стала обретенной родиной для многих тюркоязычных племен Центральной Азии, втянутых в процессы Великого переселения народов [1, с. 111–118]. В III–V вв. в этом регионе обитали различные племена гуннского круга, в VI в. сюда переместились многочисленные подразделения булгар. В первой трети VII в. здесь установилось господство Западнотюркского каганата, а со второй половины VII в. – Хазарского каганата [2–9]. Места обитания прикаспийских кочевников начиная с V в. обозначены в армяноязычных, некоторых сирийских и византийских источниках V–XI вв. понятием «страна гуннов», в котором этнический компонент в большинстве случаев условен, собирателен и фиксирует в основном стабильность нахождения в данном регионе различных племен кочевников, их принадлежность к родственной языковой семье, схожий образ жизни, тождественность культуры, специфичность верований.

Ранние сведения о клятводоговорах кочевых племен Прикаспия, относящиеся к гуннам, датируются серединой V в. Армяноязычный историк Егише Вардапет (V в.), отметивший важную роль гуннов в антииранском народном восстании в персидской Армении 450–451 гг., описал обстоятельства заключения с ними союза. Он указал, что после взятия армянским корпусом, возглавлявшимся главнокомандующим войсками Варганом, Дербента, находившегося под контролем Персии, «коменданту ворот» князю Ваану «...поручено было идти в страну гуннов и другие земли

варварские, помогающие гуннам, чтобы заключить с ними мирный договор и стать заодно против неприятеля» [10, с. 128; 11, с. 79].

Егише привел информацию о содержании клятводоговора гуннов: «...гунны пришли на самое место сражения и удостоверившись собственными глазами в подвигах, совершенных христианскою армиею Вартана, они не колебались более *поклесться союзу, согласно с своим законом* и принять клятву христиан, и обещали сохранить в верности взаимные их условия» [10, с. 128–129; 11, с. 79–80]. Исходя из указаний Егише, клятводоговор гуннов являлся одним из компонентов традиционных устоев («согласно с своим законом») и, видимо, имел выработанную форму.

Некоторое прояснение к содержанию этого клятводоговора гуннов имеется у другого армяноязычного историка Мовсеса Каланкатуаци (VII в.), который использовал данные Егише при описании восстания армян 450–451 гг. По версии Мовсеса Каланкатуаци, «услышав об успехах армян, гунны тотчас пришли на место сражения, сами своими глазами убедились в удачах их, и *клятвенно по закону неба* заключили союз, приняли клятву христианскую – хранить с ними твердое согласие и мир» [12, с. 88]. Вариант перевода: «*Согласно обычаям своим, они клятвенно установили союз и приняли христианскую клятву хранить с ними прочное согласие. Так все было сделано согласно их правилам*» [13, с. 69]. Мовсес Каланкатуаци, как и Егише, форму договора гуннов обозначил клятвой, но дал существенное дополнение к ее содержанию. Упоминание им «закона неба» дает основание предположить, что при заключении договора о союзе гунны клялись именем божества Неба. Мовсес Каланкатуаци, приведший в своем сочинении обширные данные о религиозных воззрениях населения «страны гуннов» в 80-х гг. VII в., в том числе о составе пантеона, в котором, по его данным, верховенство принадлежало богу Неба Тенгри-хану [13, с. 124], видимо, скорректировал данные Егише и указал наименование конкретного божества, гаранта клятв гуннов. Данные армяноязычных историков о ритуале заключения клятводоговоров в «стране гуннов» в середине V в. можно отнести конкретно к хайландурам, возглавлявшим в этот период союз гуннских племен Северо-Восточного Кавказа [10, с. 236; 11, с. 127, 170; 13, с. 28]. (О хайландурах и библиографию о них см.: [14, с. 41–47]).

Важные подробности о ритуалах клятводоговоров номадов Кавказско-Каспийского региона первой трети

VI в. имеются у сирийского историка псевдо-Захарии Митиленского (писал не позже 570–571 гг.) и у некоторых византийских историков VI–VIII вв.

Псевдо-Захария, чьи сведения базируются на данных предшественников, описал церемонию заключения гунно-персидского договора, упомянув и о клятвах, сопровождавших его. Договор должен был скорректировать условия имевшихся соглашений, на чем настаивали гунны, предприняв военную акцию в «персидские пределы», под которыми автор имел в виду закавказские провинции Персии. Она была спровоцирована Византией, пообещавшей назначить гуннам двойную от персидской подать в случае разрыва действовавшего в это время гунно-персидского союза, направленного против империи. События отнесены автором к «тринадцатому году Анастасия» (491–518), что соответствует 504 г. [15, с. 149]. Эта дата считается достоверной. Синхронизация псевдо-Захарией акции гуннов с началом правления персидского царя Пероза (459–484) признана ошибочной, так как автор совместил два известных факта о нарушении клятводоговора с гуннами-эфталитами царем Перозом и царем Кавадом (488–496; 499–531) с гуннами Прикаспия [16, с. 66]. По данным псевдо-Захарии, гунны, угрожая войной, потребовали от персов компенсировать им выплаты в соответствии с предложениями Византии: «...мы запаслись и приготовились в путь. Или дайте нам, сколько [дают] ромей, и мы утвердим с вами союз, или если вы нам не дадите, принимайте войну» [15, с. 150]. Персидский царь, желая избежать разорения своей страны, согласился на увеличение объема платежей гуннам.

Заключение обновленного гунно-персидского договора о союзе сопровождалось проведением ритуалов, которые можно интерпретировать как составляющие обряд определенной направленности. В церемонии приняли участие по 400 человек с каждой из договаривающихся сторон, в том числе «четыреста мужей из гуннских начальников», видимо, вождей племен [15, с. 150]. Хотя сам акт оформления этого договора описан псевдо-Захарией лаконично, но информация о нем очень емкая: «...поднялись на гору, установили договор, ели друг с другом и *поклались простирая руки к небу*» [15, с. 150]. Проведение мероприятий на вершине горы имело, видимо, определенное значение, обусловленное символикой горы как местобитания богов [17, с. 311–314]. Совместная трапеза являлась жертвоприношением богам, а произнесенные затем клятвы закреплялись, судя по действиям участников – «простирая руки к небу», именем богов. При этом и персы, и гунны, несомненно, основывались на идеологических ценностях своей культуры, а клятвы подкреплялись именами верховного божества своего пантеона. У гуннов, видимо, – бога Неба Тенгри, у персов, исповедовавших зороастризм, – бога Солнца.

Места обитания гуннов, по утверждению псевдо-Захарии, находились к северу от «ворот» (Дербент), в источнике они обозначены как «северо-западная сторона» по отношению к Персии [15, с. 149–150]. Исследователи связывают данные сирийского автора о событиях 504 г. с сабирами византийских историков Малалы (491–578) и Феофана Исповедника (ок. 760–818) [17, с. 65, 67], у которых имеется сообщение о нападении гуннов на Армению и переднеазиатские владения Византии в правление Анастасия, по данным Феофана, в 516/517 г. [18, с. 49]. Но, вероятно, сведения сирийского и византийских авторов относятся к разновременным акциям номадов Прикаспия. У псевдо-Захарии отмечено вторжение гуннов сначала в «персидские пределы», а после нарушения персами договора гунны «полонили персидские области», разорили «их земли», а затем «возвратились в свою землю» [15, с. 150]. У византийских историков обрисован иной маршрут движения номадов в акции 516–517 гг. Гунны-савиры напали на Армению, затем проникли в пределы Малой Азии, в области, входившие в состав Византийской империи [18, с. 49]. Как считается, у Феофана зафиксировано под 516/517 г. появление в Кавказско-Каспийском регионе новых этнических групп кочевников – савир, принадлежавших к кругу булгарских племен.

3. У византийских историков имеются данные о клятводоговоре савир. Феофан Исповедник, построивший свое сообщение от 522 г. о разразившейся новой войне между Персией и Византией на основе текста Малалы и «Пасхальной хроники» [19, с. 76, прим. 54], сообщил, что Византия искала союза с «царем гуннов» Залгивином, задоблив его «богатыми дарами». Как указал Феофан, «*Отеческими клятвами скрепил [Залгивин] договор* об оказании военной помощи императору против персов» [18, с. 50]. Вариант перевода: «...*обещал клятвенно, по обычаю отцев...*» [20, с. 130]. Содержание клятвы гуннов-савир у византийских авторов не раскрыто, но важно само указание на традиционность этого ритуала, исполнявшегося «по обычаю отцов», что свидетельствует о прочности этой практики.

Мовсес Каланкатуаци привел некоторые данные о клятводоговорах тюрков, относящиеся к событиям 626–628 гг. Сведения о них очень лаконичны и передают в основном характер ритуалов, меньше – их содержание. Информация источника связана с заключением тюрко-византийского союза в 626 г., направленного против Ирана, и с соглашением между Западнотюркским каганатом и Кавказской Албанией 628 г., закреплявшим ее подданство.

Выход Византии на союз с тюрками в борьбе с Сасанидским Ираном был обусловлен рядом ее неудач в военных действиях первой трети VII в. В 622–625 гг. византийские войска, возглавляемые императором Ираклием, предприняли успешный рейд в глубокий тыл персидских владений. В Кавказской

Албании близ с. Дютакан в долине реки Трту, где византийские войска остановились перезимовать, персы неожиданно напали на них. Императору пришлось спешно уводить армию, спасая ее от разгрома. В сообщении 624 г. Феофан Исповедник отметил: «Василевс спешил в земли гуннов и в их теснины по гористым, непроходимым местам» [18, с. 58]. Феофан, указывая на «земли гуннов», употребил известное в местной закавказской историографии V–VIII вв. название союза гунно-булгарских племен, сформировавшегося в Кавказско-Каспийском регионе к северу от Дербентского прохода [21, с. 121; 22, с. 169 (полемику по этому вопросу см.: [19, с. 96, 97, прим. 200]). Согласованные военные действия Ирана и Аварского каганата при осаде в 626 г. г. Константинополя [18, с. 58, 59; 23, с. 160, 161] привели византийского императора к необходимости заключения антииранского союза с Западнотюркским каганатом. Такой союз существовал между двумя странами в период с 567 по 576 г., но был расторгнут тюркской стороной, обвинившей Византию в его нарушении из-за переговоров с аварами – врагами тюрков. Отношения Ирана и Западно-Тюркского каганата регулировались мирным договором 589 г., заключенном после сокрушительного разгрома тюрков в Хоросане (588–589 гг.). К 626 г., началу переговоров Византии с Западнотюркским каганатом о новом антииранском союзе, военно-политическая обстановка на северо-западных границах владений Ирана (часть Закавказья и Северо-Восточного Кавказа с Дербентом) существенно изменилась. Западнотюркский каганат в правление Тон-ябгу-кагана (618–630) достиг своего наивысшего могущества [24, с. 91]. Его владения на Северном Кавказе простирались от Дербента до Керченского пролива. Богатые закавказские провинции Ирана привлекали внимание ябгу-каганов. Еще в правление Истеми (умер в 575 г.) тюрки попытались урегулировать взаимоотношения с Ираном на Кавказском участке границы Ирана и западных территорий Тюркского каганата. По данным арабоязычного историка ат-Табари (839–923), тюркский каган Синджибу (Истеми) в правление персидского царя Хосрова Ануширвана (531–579) появился с войском в районе Дербентского прохода: «Синджибу выступил во главе ста десяти тысяч воинов и подошел к [земле], прилегающей к стране Сул. [Оттуда] он направил к Кисра [письмо] с угрозами и настойчиво требовал от Кисра послать ему деньги, а [для] абхаз, банджар и баланджар (местные тюркоязычные племена Кавказско-Каспийского региона. – Л.Г.) – выкуп, который они (персы) отдавали этим народам до царствования Кисра...» [25, с. 69]. Однако, убедившись в наличии мощных каменных укреплений в Дербентском проходе (Дербентская крепость, длинные стены города, форты и участки стен в горной части), построенные в 60-х гг. VI в., каган увел свои войска.

В 626 г., когда византийский император направил к Тон-ябгу-кагану своего посланника с предложением заключить союз против Ирана, тот согласился, рассчитывая, видимо, на ограниченные возможности Ирана, который будет вынужден вести военные действия на двух фронтах – в Передней Азии против Византии и в Закавказье с объединенными силами Византии и тюрков. Следует указать, что данные источников о восточном союзнике Византии в период военной кампании 626–629 гг. неотчетливы (Мовсес Каланкатуаци, Феофан Исповедник, Никифор), но их сравнительный анализ показывает, что Византия в 626 г. возобновила антииранский союз с Тон-ябгу-каганом (о версиях см.: [19, с. 100–102, прим. 214, 218; 26, с. 315; 27, с. 524, 525]).

Мовсес Каланкатуаци объяснил причину вступления тюрков в союз с Византией тем, что кагану были обещаны «...великие и несметные сокровища» и позволено «...грабить все подвластные персидскому царю страны...» [13, с. 81]. Византийский историк Патриарх Никифор (ок. 758–829) отметил, что решающую роль в исходе переговоров с тюрками сыграли «дары государю турок», которые были посланы Ираклием [23, с. 159]. Однако, видимо, Византия признавала право Западнотюркского каганата на часть территории Восточного Кавказа. Мовсес Каланкатуаци писал, что сын ябгу-кагана с титулом «шад» декларировал это право: «...получил отец мой во владение эти три страны – Алуанк, Лпинк и Чора навечно» [13, с. 89]. Получить эти территории «навечно» тюркский каган мог только от Византии, так как до 626 г. они являлись провинциями Ирана. После убийства Хосрова II Парвиза (590–628) и заключения в 628 г. мирного договора между Ираном и Византией Тон-ябгу-каган предпринял ряд дипломатических и военных акций по отношению к Кавказской Албании, чтобы добиться от нее признания власти Западнотюркского каганата [13, с. 86–90]. Дербент был захвачен тюрками и разрушен «до основания» еще в 627 г. [13, с. 78, 79].

Албанский автор отнес начало переговоров Византии с тюрками о возобновлении антииранского союза к «тридцать шестому году [царствования] Хосрова» [13, с. 80], имея в виду правление Хосрова II Парвиза, что соответствует 626 г. Он указал также, что переговоры велись в два этапа. Первый этап проходил во владениях «северных народов», расположенных к северу от «врат Чора». Императора представлял на них посланник по имени Андрэ: «Тогда снарядил он в путь одного из своих нахараров по имени Андрэ, мужа мудрого и одаренного...» [13, с. 81]. Кто участвовал в переговорах с другой стороны, точно не известно, но велись они от имени высокопоставленного лица, обозначенного в источнике как «...преемник царя севера, второй человек в его царстве, по имени Джебу-хакан» [13, с. 81]. Это дает основание

считать, что переговоры велись с Тон-ябгу-каганом, являвшимся представителем младшей (западной) линии каганского рода [26, с. 87]. Ябгу-каган обещал императору военную помощь в антииранских акциях и личное участие в них [13, с. 81].

Второй этап переговоров между тюрками и императором, данные о котором приведены только албанским автором, проходил, видимо, в Константинополе. По версии Мовсеса Каланкатуаци, тюркское посольство вместе с посланником Андрэ прибыло «...ко двору императора». Миссия была конфиденциальной. Албанский автор подчеркнул, что тюркские посланники «...возвратились в свою страну, не замеченные никем» [13, с. 81]. Мовсесом Каланкатуаци отмечены также быстрота передвижения посольства тюрков числом в одну тысячу «воинов-всадников» и выбранный им маршрут через Закавказье, хотя и опасный, но наиболее короткий, проходивший частично через территории, подвластные Персии: «И для подтверждения договоренности вместе с тем нахараром [приехавшим на переговоры], он отправил отборных воинов-всадников, искусных лучников, числом в одну тысячу, которые внезапно перешли через ворота Чола, пренебрегая внутренней стражей города и другими отрядами персидского царя, посланными туда для охраны великих ворот. Как орлы пролетели они вдоль большой реки Куры, не щадя никого из тех, кто попадался им, они держали путь через страну иверов и егеров и, переплыв великие море, прибыли ко двору императора» [13, с. 81]. Замечание автора о том, что тюркское посольство не щадило никого, кто попадался им на пути, также может быть интерпретировано как необходимость сохранения секретности миссии. Посольство тюрков, видимо, обошло стороной как сам Дербент, так и опорные пункты Горной стены. Цель посольства тюрков к императору состояла, как представляется, в доставке ему послания ябгу-кагана, согласившегося на возобновление союза с Византией.

Мовсес Каланкатуаци привел сведения о церемонии, сопровождавшей заключение тюрко-византийского договора: «Явившись к великому императору Ираклию, они вновь *подтвердили клятву, данную друг другу – каждый в соответствии со своими обычаями*» [13, с. 81]. Информация Мовсеса Каланкатуаци свидетельствует о том, что договоренности и на первом этапе переговоров были закреплены клятвами, которые обуславливались традициями каждой из сторон. Данных о содержании клятв тюрков в этих соглашениях в источнике нет.

Характер клятв, сопровождавших заключения внешнеполитических соглашений тюрков, несколько проясняется информацией Мовсеса Каланкатуаци о переговорах царевича западных тюрков («шад») с католикосом Кавказской Албании в 628 г. Возвращаясь в ставку после разгрома Тифлиса в 628 г., ябгу-каган передал командование войсками своему сыну,

отдав ему приказ покорить Албанию. По требованию ябгу-кагана Албания должна была добровольно признать его власть, а в случае ее отказа тюрки грозили уничтожить все мужское население страны [13, с. 86]. Персидский правитель Албании (марзпан) отказался принять ультиматум ябгу-кагана и тайно отбыл в Персию. В переговоры с посланниками царевича тюрков вынужден был вступить католикос Виро, который, выбрав тактику затягивания переговоров, ожидал решения царя Персии. По истечении срока ультиматума Албания подверглась опустошительному разорению [13, с. 87]. «Шад» прислал к католикосу посланника – своего воспитателя и наставника, знатного полководца – с повторным требованием признать власть тюрков над страной. Виро и «главные мужи этой великой страны» приняли решение признать господство каганата. В лагерь «шада», устроенный на севере области Ути вблизи города Партава, было отправлено албанское посольство во главе с католикосом, состоявшее, по данным Мовсеса Каланкатуаци, из «знатных людей» Албании. С посольством находился обоз с подарками для «шада» и его ближайшего окружения. Автор разъяснил, что накануне католикос «расспросил прибывшего к нему наставника царевича и узнал от него имена всех вельмож-князей и полководцев, нахараров и начальников племен, [находящихся] в их войске, в соответствии с их достоинством и рангом, чтобы узнать, кому какие преподнести подарки» [13, с. 88]. Католикос «распределил подарки согласно их положению, написал имена их и запечатал» [13, с. 88].

«Шад» и католикос провели переговоры, на которых тюркский царевич обязался прекратить набег на Албанию и вдвойне возместить причиненный ей материальный ущерб за счет набега на соседние страны. «Шад» также заявил, как указывалось, о претензиях Западнотюркского каганата на владение некоторыми областями Закавказья, в том числе Кавказской Албанией. Католикос Виро объявил о признании власти кагана над Албанией: «Мы слуги твои и отца твоего, я и все жители нашей страны» [13, с. 89].

«Шад» во время переговоров с католикосом Виро дал клятву, содержащую обязательство исполнить его просьбы: «*Клянусь тебе солнцем отца моего Джебу-хакана, что я непременно исполню все, что ты попросишь у меня*» [13, с. 89]. Вариант перевода: «*Я поклянусь тебе жизнью отца моего, Джебукагана, что непременно исполню то, что пожелаешь*» [12, с. 127]. Первый вариант перевода отражает реалии социального устройства Тюркского каганата. По многочисленным разнохарактерным источникам известно, что личность кагана и его власть обожествлялись [9, с. 254, 258]. «Шад» клялся именем ябгу-кагана, который приравнивался к божеству. И то, что он уподобен в клятве царевича божеству Солнца, свидетельствует об особой значимости культа Солнца у каганов, жизнь

и власть которых тем не менее считалась у тюрков дарованием священного Неба.

Данные Мовсеса Каланкатуаци о наличии культа Солнца у тюрков весьма важны. Они дополняют незначительные свидетельства китайских историков, которые отмечали у них «...благоговение к стране солнечного восхождения» [28, с. 230] и проявления культа солнца при возведении государя тюрков на престол: претендента на власть девять раз проносили кругом по солнцу [28, с. 229]. Культ солнца в Тюркском каганате отложился также в солярной системе ориентации [9, с. 244]. В надписи в честь Куль-тегина местообитание восточных племен, прибывших на соболезнавание, обозначено с использованием этого священного символа: « (пришли) спереди, из (страны) солнечного восхода, народ степи Беклийской» [29, с. 36]. В тюркских языках сохранились имена со значением «Солнце-бог», что свидетельствует об обожевлении этого солярного объекта в древности [30, с. 707; 31, с. 332–334]. Все эти свидетельства несравнимы с отмеченной в источниках значимостью связей культов правителей у хуннов и европейских гуннов с культом солнца (см.: [28, с. 50, 58; 32, с. 684]).

Обожествление, судя по данным Мовсеса Каланкатуаци, распространялось и на сына ябгу-кагана. В источнике указано, что официальная форма обращения к царевичу облекалась в словосочетание «Бог шат», такое же обращение было отнесено тюрками и к католикосу Виро: «И величали католикоса наравне с царевичем своим: «Бог Шат и бог католикос...» [12, с. 127; 13, с. 89]. Интересно отметить, что в описанных эпизодах клятводоговоры закреплялись у тюркоязычных племен именем бога Неба, т.е. верховного божества, тогда как в клятве «шада»

гарантом ее незыбленности выступает божественный каган и его покровитель – божество Солнца.

У Мовсеса Каланкатуаци озвучена клятва правителя «страны гуннов» великого князя Алп-Илитвера, данная албанскому епископу Исраилу в направленном ему послании. Завершив христианизацию населения «страны гуннов» в 682 г., албанская миссия намеривалась вернуться на родину. Алп-Илитвер послал к епископу двух своих родичей с посланием, в котором просил епископа учредить в «стране гуннов» христианскую кафедру и возглавить ее. Просьба была заверена клятвой: «Я, Илитвер, заключу соглашение с вами именем Господа и сожгу чародеев и колдунов, кто не примет веру, и я всажу меч в любого человека, кто действует как язычник в моей стране или принесет жертвы идолам в тайне...» [33, р. 167]. Правитель «страны гуннов» гарантировал в своей клятве быть последовательным христианином и бороться с проявлениями язычества, но сделал это в форме, соответствующей традициям своих предков. Он грозился самолично лишить жизни приверженцев язычества, хотя и клялся «именем Господа». Данные Мовсеса Каланкатуаци свидетельствуют о том, что восприняв христианскую веру, правитель «страны гуннов» подтверждал незыблемость своей клятвы уже не языческим божеством Неба, а именем Христа.

Содержание клятв тюркоязычных кочевников Кавказско-Каспийского региона демонстрирует верховенство в их традиционных верованиях культа Неба и высвечивает обусловленный им культ правителей. Факты трансформации идеологической составляющей в этом компоненте культуры, связанные с изменением характера верований (принятие христианства), подтверждают это. Гарант клятводоговора кочевников бог Неба замещается у кочевников-христиан богом-человеком Христом.

Библиографический список

1. Гмыря, Л.Б. Обретенная родина в представлениях кочевников Прикаспийского Дагестана (IV–VII вв.) / Л.Б. Гмыря // Вестник Челябинского государственного университета. История. – Вып. 21. – 2007. – №18.
2. Артамонов, М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – Л., 1962.
3. Артамонов, М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – СПб., 2002.
4. Гадло, А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. / А.В. Гадло. – Л., 1979.
5. Новосельцев, А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А.П. Новосельцев. – М., 1990.
6. Гмыря, Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот / Л.Б. Гмыря. – Махачкала, 1995.
7. История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. I: Народы степной Евразии в древности. – Казань, 2002.
8. История татар с древнейших времен : в 7 т. Т. II: Волжская Булгария и Великая степь. – Казань, 2006.
9. Кляшторный, С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006.
10. История Егише Вардапета. Борьба христианства с учением зороастровым в пятом столетии в Армении / пер. с армян. П. Шаншиева. – Тифлис, 1853.
11. Егише. О Вардане и войне армянской / пер. с древнеармян. И.О. Орбели. – Ереван, 1971.
12. История агван Мойсея Каганкатуаци, писателя X века / пер. с армян. К. Патканьян. – СПб., 1861.
13. Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк / пер. с древнеармян., предисловие и комментарии Ш.В. Смбатяна. – Ереван, 1984.
14. Джафаров, Ю.Р. Гунны и Азербайджан / Ю.Р. Джафаров. – Баку, 1985.
15. Хроника Захарии Ритора (Главы, относящиеся к гражданской истории) / пер. с сирийск. Н. Пигулевской // Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. – М. ; Л., 1941.
16. Пигулевская, Н. Сирийские источники по истории народов СССР / Н. Пигулевская. – М. ; Л., 1941.

17. Топоров В.Н. Гора / В.Н. Топоров // МНМ : энциклопедия : в 2 т. – М., 2000. – Т. 1.
18. Феофан Исповедник. Хронография / пер. с греч. и комментарии И.С. Чичурова // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – М., 1980.
19. Чичуров, И.С. Византийские исторические сочинения / И.С. Чичуров. – М., 1980.
20. Летопись Византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила и сына его, Феофилакта / пер. с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского // Чтения ОИДР. – М., 1884.
21. Кляшторный, С.Г. «Народ Аспаруха», гунны Кавказа и древнетюркский олимп / С.Г. Кляшторный // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А.П. Новосельцева. – М., 2000.
22. Гмыря, Л.Б. Наследники гуннов в степях юго-восточной Европы: савиры, авары / Л.Б. Гмыря // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. I: Народы степной Евразии в древности. – Казань, 2002.
23. Патриарх Никифор. Бrevиарий // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – М., 1980.
24. Кляшторный, С.Г. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. – СПб., 2000.
25. Выдержки из книги ат-Табари «История посланников и царей» / пер. с араб. А.Р. Шихсаидова – Шихсаидов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. – М., 1986.
26. Цукерман, К. Хазары и Византия: первые контакты / К. Цукерман // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2001. – Вып. VIII.
27. Цукерман, К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм / К. Цукерман // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2002. – Вып. IX.
28. Бичурин, Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин. – М. ; Л., 1950. – Т. I.
29. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / С.Е. Малов ; пер. с древнетюрк. С.Е. Малова. – М. ; Л., 1951.
30. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М., 2001.
31. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М., 2006.
32. Приск Панийский. Готская история / пер. с греч. В.В. Латышева // Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I: Греческие писатели. Вып. 3. – СПб., 1900.
33. The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci / Trans. by C.J.F. Dowsett. L., 1961.